

Геополитические ориентиры новой России: внутренние угрозы и ресурсы

Артём Савельев
Алексей Маруев

Одной из характерных черт современной международной обстановки является стремление США сохранить за собой статус единственной сверхдержавы, который позволил бы Вашингтону реализовывать глобальные национальные интересы, которые имеются у Соединенных Штатов практически во всех точках Земного шара.

В последнее время многие государства также пытаются повысить свой геополитический статус. В первую очередь, это относится к ведущим европейским странам (Великобритании, Германии, Франции), странам Азиатско-Тихоокеанского региона (Китаю, Японии, Индии), а также ряду других государств, например Турции, Бразилии, Венесуэле.

Проблема формирования геостратегического курса является особо актуальной для России, так как российская политическая элита, которая призвана формулировать и реализовывать геополитические интересы страны, похоже, до сих пор не определилась с геополитическим статусом России в системе мировых геополитических отношений. Сделать это непросто из-за имеющихся внутренних проблем и угроз безопасности России.

Геополитический статус России

По нашему мнению, *геополитический статус* можно охарактеризовать как место государства в системе международных отношений, исходя из его геополитического положения и воз-

можностей по реализации своих национальных интересов.

Что касается геополитического статуса России, то слабое экономическое положение страны, ухудшающееся со-

САВЕЛЬЕВ Артём Борисович – кандидат исторических наук, эксперт в области национальной безопасности.

МАРУЕВ Алексей Юрьевич – кандидат политических наук, эксперт по проблемам геополитики.

Ключевые слова: геополитический статус, стратегия национальной безопасности, национальные интересы, внутренние угрозы, геополитические противники, социально-экономические проблемы.

стояние российских Вооруженных Сил, тревожная демографическая ситуация, отсутствие идеологических и духовных основ развития общества и т.д. не позволяют в настоящее время России претендовать на статус сверхдержавы, каковым в свое время обладал Советский Союз.

Согласимся с мнением группы экспертов по вопросам национальной безопасности о том, что России из-за ее геополитического положения и многонационального населения просто опасно не быть великой державой¹.

Однако сейчас нельзя утверждать, что Россия сохранила за собой статус великой державы. Реальное воздействие Российской Федерации на формирование мирового порядка пока еще не слишком весомо. Некоторые эксперты считают, что хотя Россия сохраняет определенное влияние на ход мировых процессов, перспективы восстановления ею былого могущества и превращения в мировой “центр силы” пока остаются неясными².

Совершенно очевидно, что статус государства в системе международных отношений базируется далеко не только на таких своего рода “геополитических константах”, как размеры территории, географическое положение, климат, наличие или отсутствие выходов к морю, природных ресурсов и полезных ископаемых, их состав и экспортный потенциал.

Конечно, все эти факторы создают базовые “статусные предпосылки” для достижения успеха в отстаивании национальных интересов в диалоге с ключевыми игроками мировой политики. Однако то, как именно они будут использованы, насколько раскрыты в актуальной политической практике, зависит и от ситуации *внутри страны, от степени адекватности политического курса, от способности политической системы достигать искомого синерге-*

тического эффекта, задействуя в том числе такие специфические ресурсы, как “человеческий капитал”, фундаментальная наука, высокие технологии, инновации, наконец, в более широком контексте, от избранной модели развития.

После окончания холодной войны и распада СССР Россия понесла большие геополитические потери.

В то же время Россия сохранила выгодное географическое положение, оставаясь уникальным транзитным коридором через Евразию; в пределах Российской Федерации остались лучшие по качеству, составу и конкурентоспособности на мировом рынке естественные ресурсы; в России сконцентрированы самые мощные научные силы бывшего СССР³.

Специфика нынешнего этапа для России состоит в том, что при объективно богатом геополитическом потенциале реальные статусные позиции страны в системе международных отношений на протяжении всего постсоветского периода истории де-факто остаются неопределенными.

До сих пор не отрефлектировано в полной мере на экспертном уровне (хотя периодически и озвучивается на политическом) даже то, к какому собственному геополитическому статусу мы стремимся: будет ли это “концепция мировой державы”, или наши амбиции на международной арене ограничиваются лидерством в региональном/субрегиональном формате?

Решение данного вопроса зависит и от того, способна ли нынешняя Россия играть на равных с ключевыми субъектами глобальной политики или ей следует сосредоточиться на наиболее обеспеченных имеющимся потенциалом отдельных ее направлениях.

Фундаментальных разработок в данной области нет. Об этом свидетельствует, в частности, то, что эти

вопросы весьма конспективно изложены в утвержденной указом главы государства “Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года”.

Так, в перечне долгосрочных национальных интересов Российской Федерации закреплена идея “превращения Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира”. Однако то, как это соотносится с приоритетами устойчивого развития страны, стратегическими национальными приоритетами прописано, как представляется, недостаточно четко. Среди последних речь, в частности, идет о повышении качества жизни российских граждан, а именно:

- гарантирование личной безопасности и высоких стандартов жизнеобеспечения;

- обеспечение устойчивого экономического роста, который достигается, прежде всего, за счет развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;

- развитие науки, технологий, образования, здравоохранения и культуры;

- соблюдение принципов экологии живых систем и рационального природопользования, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны.

Столь распространенный список совершенно не проясняет, однако, достижения на каком именно направлении (или их совокупности) позволят в первую очередь (с точки зрения внутренних предпосылок) приблизиться к искомому геополитическому статусу. И

уж точно, приоритеты должны быть расставлены более четко в условиях экономического кризиса и ограниченности финансовых средств на реализацию национальных интересов страны.

Из концептуальной неопределенности в вопросе о составляющих геополитического потенциала проистекает, по видимому, и сделанный в “Стратегии” акцент на экономику в вопросах стратегического сдерживания, не сводимых, как представляется, к проблемам конкурентной борьбы хозяйственных комплексов ведущих мировых держав в условиях глобализации. А между тем выработка полноценной и комплексной геостратегии России требует четкого представления как о направлении движения, так и о векторе сосредоточения необходимых внутри – и внешнеполитических усилий.

Нельзя не согласиться с тем, что внешняя политика нашей страны исторически носила идеократический характер, была выстроена в соответствии с великодержавной доктриной, а внутренний потенциал России, ее экономические возможности, далеко не всегда соответствовали целям, озвучивавшимся ее советскими и постсоветскими руководителями (а ранее – венценосными особами) на международной арене.

Последнее не только исказило естественный ход процессов модернизации в российской экономике и социальной системе, до сих пор сохранивших многочисленные сугубо традиционалистские элементы, но и периодически подводило российскую государственность к “критической отметке”, ставило Россию на грань выживания. Между тем нельзя отрицать и того факта, что столь сложное с этнокультурной и протяженное с географической точки зрения образование вряд ли сможет сохранить свою целостность без четкого, идеологически выверенного и прорабо-

танного внутри – и внешнеполитического проекта, учитывающего как актуальные процессы на мировой арене, так и внутривнутриполитические реалии.

Подобный проект пока находится в стадии формирования и более того, определенные его контуры, сформировавшиеся в период президентства В.В.Путина, в настоящий момент оказались в фокусе экспертно-аналитических и политических дискуссий. Это, несомненно, актуализирует обращение исследователей теме, обозначенной в заголовке статьи.

Очевидно, что в начале XXI столетия магистральной тенденцией развития международной обстановки стала глобализация процессов во всех сферах международной жизни, которая, в свою очередь, предопределила высокий динамизм и взаимозависимость событий, происходящих как на мировой арене, так и во внутривнутриполитической жизни большинства современных государств.

В результате глобализационных процессов между ними обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития, углублением разрыва в уровнях благосостояния. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции, а зачастую и объектом насильственного экспорта в третьи страны.

Наряду с этим возросла уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз. Одной из наиболее актуальных из них на сегодняшний день (наряду с традиционными – международным терроризмом, исламским радикализмом, распространением ОМУ, потеплением климата, экологией, дефицитом энергии и ресурсов, пандемиями и т.п.) стал глобальный финансово-экономический кризис.

В результате происходит укрепление новых центров экономического ро-

ста и политического влияния, формируется качественно новая геополитическая ситуация, в рамках которой очень многое зависит от того, насколько быстро будут сформулированы, проработаны и, наконец, успешно решены задачи устойчивого развития России. Именно от этого в конечном итоге зависит не только успешная интеграция России в глобальное экономическое пространство и международную систему разделения труда, но и само позиционирование нашей страны в формате “Большой восьмерки”, “Большой двадцатки”, БРИК, АТЭС, ШОС и на постсоветском пространстве.

Между тем, устойчивость развития России определяется, безусловно, не только форсированным ростом экономики и ее многократно провозглашенным переводом на инновационные рельсы, справедливо поставленными Д.А.Медведевым во главу угла Ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Необходимо также обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом.

В преамбуле к “Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” констатируется, что на сегодняшний день “Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность”.

Подобная оптимистическая констатация, по-видимому, основывается на

том, что в последнее десятилетие государственная политика становится все более адекватной внутренним и внешним условиям. Консолидировано правовое пространство, наметились подходы к решению первоочередных задач в экономической сфере, возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти.

Таким образом созданы устойчивые предпосылки для укрепления геополитических позиций и роста геополитического потенциала страны. Однако было бы некорректным не отметить, что на данный момент речь идет скорее именно о создании предпосылок, а не о

достижении конкретных результатов на вышеуказанных направлениях.

Иначе говоря, мы понимаем, что политическая система откликнулась на определенные импульсы извне, предлагает решения, однако реакция “объекта управления” в виде каких-либо качественных сдвигов в его состоянии или хотя бы в виде “обратной связи” с ним по существу пока отсутствует. Более того, вызовы внутренней безопасности, угрожающие нивелированием тех самых предпосылок к росту геополитического потенциала, о которых шла речь выше, не только не утратили своей актуальности, но и, напротив, приобрели в настоящее время дополнительную остроту.

Внутренние угрозы безопасности России

В общественно-политическом контексте сохраняется угроза резкого обострения социально-политических проблем вследствие нарастающей (в условиях кризиса) диспропорции в экономическом положении граждан и неподготовленности социальной среды в целом к новым социально-экономическим отношениям.

Что такое правый и левый экстремизм в политической сфере?

Какова социальная база скинхедов и иных поборников националистической идеологии?

В чем сущность феномена постоянного рекрутирования “пушечного мяса” в террористические организации?

На какой почве легче всего “прорастают” зерна радикального ислама, иных нетрадиционных тоталитарных форм религии?

Все эти явления в существенной мере связаны не только с сохраняющимися кризисными явлениями в экономике и социальной сфере, но и (в системном отношении) с незавершенными до сих пор процессами реструктуризации традиционных социальных

групп и слоев советского общества, которые так и не привели к формированию принципиально новой системы и формата социальных отношений.

По сути мы имеем дело с маргинализированным (читай – выбитым из традиционных ниш формирования мен – талитета, поведенческих традиций, социализации) социумом. В нем до сих пор отсутствует основа любой демократии – средний класс.

По самым оптимистическим оценкам, к середине 2008 г. количество людей, которых можно было с определенными допущениями отнести к данной категории приближалось к 25%⁴, сейчас этот слой снова активно размывается.

В новых условиях не сформировалась мотивация к гражданской активности. Вертикальная социальная мобильность парализована закрытостью сложившихся в конце XX столетия чиновничьих и бизнес-корпораций.

Во многом по этим же причинам, а также вследствие сохраняющихся диспропорций в формате отношений Центр – регионы, а также вследствие отсутствия на уровне массового сознания

ния толерантной культуры и интернационализма мы все чаще фиксируем растущую напряженность в межнациональных отношениях.

По оценкам экспертов, те или иные сложности, связанные с национальным и конфессиональным фактором (в большей мере свойственные, естественно, республикам Поволжья и Северного Кавказа), сейчас фиксируются на территории 60% субъектов Федерации, в том числе в таких ранее благополучных с этой точки зрения регионах как Карелия, Приморье и Калининград.

Основу для консервирования подобных социальных явлений создает продолжающаяся деградация фундаментальной науки, образования, культурной сферы, наконец, депрофессионализация системы подготовки кадров.

В разрезе кадров управленческих мы уже сейчас видим последствия данного явления, когда, несмотря на все усилия по восстановлению вертикали управления страной, нет никаких гарантий того, что команда, отданная на любом уровне системы, вплоть до Президента и Председателя Правительства, будет выполнена.

При этом, чем сложнее управленческие задачи, тем больше соблазн их содержательно примитивизировать и вульгаризировать, ведущий, как следствие, к управленческому хаосу, а далее – к деградации и упрощению самого объекта управляющего воздействия.

В последнее время все более остро в угрозообразующем контексте формулируется *проблема коррупции*, ставшей, как неоднократно отмечал глава государства, системным вызовом всей российской политической системе.

На самом деле следует говорить не об отдельных проявлениях такого рода, поддающихся хирургическому воздействию, а о системном сращивании госаппарата, а в целом ряде случа-

ев и правоохранительных органов с полуправильным бизнесом и криминалитетом.

Отсюда – системное снижение уровня доверия к институциональной структуре органов власти (в среднем не превышает 30%), за исключением персонально популярных фигур федеральной и региональной политической авансены. Растет процент абсентеистов.

Инструментальный характер партийной системы, обеспечивающей реальную связь между населением и государством лишь на этапе подготовки и проведения различного рода выборных кампаний, также не способствует укоренению традиций представительной демократии.

Речь в данном случае отнюдь не о необходимости выстраивать политическую систему “под копирку и диктовку” наших европейских и заокеанских партнеров. Речь – о системном представительстве интересов социума с целью адекватного понимания происходящих в нем процессов и выработки мер реального управляющего воздействия, в том числе и в разрезе эффективного обеспечения безопасности и устойчивости всей системы. Без указанного представительства сложно преодолеть системное отчуждение общества от власти и власти от общества.

Можно констатировать, что у нас нет общественной идеологии.

Это обстоятельство закрывает для нас возможность решения многих насущных вопросов, связанных с защитой своих национальных интересов и с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации. Превращение российского общества в деидеологизированный конгломерат было главной задачей Запада на протяжении большого исторического отрезка времени⁵.

В своем нынешнем качестве российское общество не является в полной

мере субъектом политического процесса. Не случайно, например, сталкиваясь с полным непониманием и неприятием “снизу” все попытки стимулировать гражданскую активность даже на уровне муниципального или местного самоуправления.

Что же касается объективных процессов в самом социуме, то налицо *прогрессирующее снижение уровня здоровья нации* и, как следствие, самая высокая в Европе смертность от социальных болезней, двукратно превышающее среднемировые показатели потребление алкоголя на душу населения (15,4 л чистого алкоголя на взрослого гражданина)⁶, высокая детская смертность, низкая (с учетом стремительного сокращения численности населения – до 1 млн. чел. в год, по прогнозам, к 2025 – до 114 млн чел., а к 2050 г. – до 70–75 млн чел.)⁷ рождаемость.

Естественно, что краткосрочный позитивный эффект на данном направлении может быть достигнут отдельными мерами господдержки (наподобие приоритетного национального проекта “Здоровье” или программы “Материнский капитал”, позволивших выйти на положительную динамику по балансу прироста-убыли населения к концу 2008 г.) и все же необходимо иметь в виду, что без учета всех показателей, оказывающих воздействие на демографию и здоровье нации (вплоть до объема ВВП на душу населения) ситуацию не исправить.

Сохраняется вся палитра традиционных социальных проблем:

- предельно низкий уровень пенсий и социальных пособий;
- заработных плат в бюджетной сфере;
- разорительная для малообеспеченных слоев населения монетизация льгот;
- стопроцентная оплата услуг ЖКХ;

– вновь обострившаяся на фоне экономического кризиса проблема невыплат заработной платы.

Острота ситуации периодически выражается в стихийных акциях протеста (рост количественных показателей по которым составил за первое полугодие 2009 г. 60%), а также в постепенном росте популярности леворадикальных идей и лозунгов, формулируемых в настоящий момент уже не только “политическими динозаврами” из КПРФ, но и молодежными структурами, работающими с населением на принципиально иных началах (таких, например, как приморское Товарищество инициативных групп граждан [ТИГР]).

В экономике страны в последнее время обозначились такие крайне тревожные тенденции как сокращение промышленного потенциала в инвестиционно емких отраслях, стремительное устаревание и износ основных фондов, качественное ухудшение технологического и инновационного потенциала, то есть де-факто сохраняется угроза деиндустриализации хозяйственного комплекса страны, сдвига экономики в сторону первичного и промежуточного секторов.

Существенные проблемы с точки зрения определения точек роста могут создать истощение сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, деградация транспортной инфраструктуры, разрушение единой системы электроэнергетики.

Первые итоги финансового кризиса наглядно продемонстрировали слабость кредитно-финансовой системы страны, ее спекулятивный характер, неготовность к осуществлению долгосрочных программ кредитования реального сектора.

В военной сфере сохраняется тенденция к снижению военно-научного и военно-технического потенциала, мобилизационной готовности граждан-

ских и военных производств, статуса армии и военной службы.

Не просчитаны с точки зрения угроз внутренней безопасности последствия форсированно осуществляемой

военной реформы. Самостоятельным фактором остается неконтролируемое распространение оружия и боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ.

Методы геополитических противников России

Проведенный нами конспективный обзор основных угрожающих факторов во внутривнутриполитической сфере показывает, насколько потенциально уязвимыми остаются геополитические позиции новой России. Более того, следует учитывать, что любые перемены к лучшему на указанных направлениях внимательно отслеживаются нашими геополитическими противниками и конкурентами с целью не допустить развития позитивных тенденций. Ими же ведется и планомерная работа по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране.

Известно, например, что в качестве повода для очередного обращения к разработке дестабилизационного сценария для России предполагается использовать федеральный избирательный цикл 2011–2012 гг. В рамках подготовительного этапа уже в настоящее время развернута работа в российском информационном пространстве с акцентом на нерешенность ключевых социально-экономических проблем и рост социальной незащищенности населения.

Следует признать, что западное общество, и в первую очередь США, располагает всей необходимой политической, экономической и разведывательной инфраструктурой, а также апробированными технологиями и методикой воздействия на внутривнутриполитические процессы в других странах.

Роль организационного ядра в данном случае, как правило, выполняют такие структуры, как Агентство США по международному развитию (USAID), Национальный фонд за демократию, Фонды

Мотта и "Евразия", "Freedom House", а также Международный республиканский (МРИ) и Национальный демократический институты (НДИ), институт "Открытое общество" Сороса.

Разработанные указанными "мозговыми центрами" политические технологии "по оказанию содействия в переходе к плюралистической демократии и рыночной экономике" реализуются через сеть специально созданных региональных представительств западных организаций и национальных неправительственных организаций (НПО).

Ситуация в значительной степени осложняется нарастающей политизацией молодежи. Учитывая имеющийся опыт использования протестного потенциала младших возрастных групп, антироссийские силы за рубежом и ангажированные ими лидеры оппозиции стремятся максимально использовать указанный дестабилизирующий ресурс.

Радикализация студенчества особенно сильна в региональных филиалах государственных вузов, в которых практически отсутствует контроль со стороны головных институтов, что при попустительстве местных властей обеспечивает формирование благоприятных условий для деятельности зарубежных НПО и сект. Получившая в последнее время распространение практика обучения мусульманской молодежи национальных республик России в религиозных центрах Ближнего и Среднего Востока, пропагандирующих догматы радикального ислама, способствует распространению фундаменталистских течений.

Особую озабоченность вызывает активизация неонацистских группировок.

При чем, если ранее их деятельность выражалась в основном в отдельных хулиганских проявлениях, то в последнее время она начала приобретать все более выраженный политизированный характер (известно, что в качестве реальной тактической задачи ими все чаще ставится участие в выборах).

В связи с тем, что государством не предпринимаются какие-либо серьезные меры для приобщения лиц, прибывающих в Россию, к местным национально-культурным традициям, коренное население зачастую с пониманием относится к попыткам бороться с засильем “инородцев” всеми доступными (в том числе и противоправными) методами.

Ситуация усугубляется тем, что ряд общественно-политических объединений активно разыгрывает “национальную карту” (Движение против нелегальной миграции), разжигая националистические и расистские настроения, тем самым способствуя дополнительному притоку в их ряды радикально настроенной молодежи.

Так называемые прокремлевские молодежные организации после окончания федерального избирательного цикла 2007–2008 гг. во многом дезориентированы и на данном этапе не могут эффективно противостоять распространению радикальных настроений среди молодежи.

Несмотря на ограничительные меры, принятые на уровне федерального законодательства и определенные проблемы с финансированием, возникшие в связи с глобальным кризисом, в стране по-прежнему заметна активность многочисленных структур правозащитной направленности.

Ведущую роль на данном направлении играют традиционно “Московская хельсинкская группа”, фонд “ИНДЕМ”.

Не случайна и очередная активизация организованных по сетевому принципу различного рода “просветительских” и “образовательных” структур, финансируемых НДИ и МРИ США.

Под предлогом осуществления благотворительной деятельности и реализации совместных проектов гуманитарного характера устанавливаются контакты с местными властями, предпринимаются попытки консолидации оппозиции, организуются мероприятия, направленные на соответствующую обработку молодежи.

Фактически речь идет о “регионализации и выходе протестного потенциала” за пределы столичной политической дискуссии в расчете на то, что ситуация на местах значительно менее управляема из Центра.

Помимо социально-политической проблематики в рамках попыток дестабилизировать обстановку в стране и создать дополнительные препятствия укреплению геополитических позиций России следует также обратить внимание на стремление определенных политических сил использовать тематику эскалации террористической угрозы, ее выхода за пределы Чеченской республики, распространения не только по всему Северному Кавказу (особенно – в Ингушетии и Дагестане), но и в масштабах всей страны (не случаен, к примеру, муссируемый рядом СМИ слух о “чеченском следе” в аварии на Саяно-Шушинской ГЭС).

Основной акцент делается на то, что действующая власть не способна урегулировать ситуацию, а принимаемые на государственном уровне контртеррористические меры на самом деле призваны укрепить позиции правящей элиты и ликвидировать остатки демократии.

Таким образом, целый ряд тенденций в развитии внутривнутриполитической ситуации в России по-прежнему препятствует адекватному позиционированию в большой геополитической игре.

Не случайно многие аналитики относят внутренние проблемы нашей страны к одной из главных угроз национальной безопасности (“основная угроза – это мы сами”).

При этом, несмотря на все усилия, пока так и не разработан детальный план действий по наведению порядка внутри страны, адекватный вызовам времени. Однако именно решение этого вопроса является жизненно важным для России, так как только найдя действенные пути решения внутренних проблем, можно будет выступить с более сильных позиций на международной арене.

Примечания

- ¹ *Буркин А., Возжеников А., Синюк Н.* Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 242.
- ² Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии / Отв. редактор Г. Агафонов. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. С. 177.
- ³ *Колосов В., Мироненко Н.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 220.
- ⁴ Средний класс в современной России / Отв. ред. М. Горшков, Н.Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С.14.
- ⁵ *Смольский С.* Национальная безопасность и национальные интересы России в современных условиях. Новые угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции. М.: РАГС, 2008. С. 11.
- ⁶ Алкоголизация России: не пора ли опять звать Горбачева? ВЦИОМ. Пресс-выпуск. № 1279. 29.07.2009. С. 45.
- ⁷ *Рыбаковский Л.* Стратегия демографического развития России на ближайшие 20 лет (доклад на заседании Ученого Совета ИСПИ РАН). М., 2006. С 2–4.

**Подписка на 2010 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**